

УДК 340.1, 340.5, 347.9

ПРОЕКТ КОНЦЕПЦИИ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ КАК ДОКТРИНАЛЬНЫЙ ДОКУМЕНТ

© 2020 г. А. В. Малько^{1, *}, С. Ф. Афанасьев^{2, **}

¹Поволжский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции, г. Саратов
²Саратовская государственная юридическая академия;
Саратовский филиал Института государства и права Российской академии наук

*E-mail: alex25-58@mail.ru

**E-mail: af.73@mail.ru

Поступила в редакцию 16.03.2020 г.

Аннотация. В статье анализируются общие начала, содержание и основные направления правовой политики в сфере электронного правосудия. Об актуальности темы исследования свидетельствует важность разработки специального доктринального документа — проекта Концепции российской правовой политики в сфере электронного правосудия. Авторами дается характеристика современного состояния электронного правосудия. Предлагаются дефиниции понятий, используемых в проекте Концепции российской правовой политики, а именно: правовая политика, правовая политика в сфере электронного правосудия, информационные технологии, искусственный интеллект, робот, чат-бот и др. Определяются цели, задачи и средства правовой политики в сфере электронного правосудия. Раскрываются основные направления правовой политики в сфере электронного правосудия, в частности формы реализации подобной политики: правотворческая и правоприменительная. Аргументируется необходимость подготовки Словаря-справочника «Российская правовая политика в сфере электронного правосудия» параллельно с проектом Концепции российской правовой политики.

Ключевые слова: правовая политика, электронное правосудие, информационные технологии, доктринальный документ, Концепция российской правовой политики, Словарь-справочник, судебная деятельность, судебная система, цивилистический процесс, зарубежный опыт.

Цитирование: Малько А.В., Афанасьев С.Ф. Проект Концепции российской правовой политики в сфере электронного правосудия как доктринальный документ // Государство и право. 2020. № 11. С. 49–57.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16111.

DOI: 10.31857/S102694520012526-9

DRAFT CONCEPT OF RUSSIAN LEGAL POLICY IN THE FIELD OF ELECTRONIC JUSTICE AS A DOCTRINAL DOCUMENT

© 2020 A. V. Mal'ko^{1, *}, S. F. Afanasyev^{2, **}

¹Volga region Institute (branch) All-Russian state University of justice, Saratov
²Saratov state Law Academy;
Saratov branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

*E-mail: alex25-58@mail.ru

**E-mail: af.73@mail.ru

Received 16.03.2020

Abstract. The article analyzes the general principles, content and main directions of legal policy in the field of e-justice. The relevance of the research topic is evidenced by the importance of developing a special doctrinal document – a draft Concept of the Russian legal policy in the field of electronic justice. The authors characterize the current state of e-justice in Russian society. The definitions of concepts used in the draft Concept of Russian legal policy are stated, namely: legal policy, legal policy in the field of electronic justice, information technology, artificial intelligence, robot, chat bot, etc. The goals, objectives and means of legal policy in the field of electronic are defined justice. The main directions of legal policy in the field of e-justice are revealed, in particular, the forms of implementation of such a policy: law-making and law enforcement. The necessity of preparing the Dictionary-Handbook “Russian Legal Policy in the Field of Electronic Justice” along with the draft Concept of the Russian Legal Policy is argued.

Key words: legal policy, e-justice, information technology, doctrinal document, the Concept of Russian legal policy, Dictionary-Handbook, judicial activity, judicial system, civil process, foreign experience.

For citation: Mal'ko, A.V., Afanasyev, S.F. (2020). Draft Concept of Russian legal policy in the field of electronic justice as a doctrinal document // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 49–57.

The research was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of research project No. 18-29-16111.

Как известно, правовая политика нацелена на выстраивание стратегии правового регулирования в различных сферах жизнедеятельности общества. Она это делает с помощью разных средств и форм, одной из которых выступает доктринальный документ.

Однако прежде чем говорить о проекте Концепции российской правовой политики в сфере электронного судопроизводства как доктринальном документе, важно, хотя бы кратко, выяснить вопрос о том, что собой представляет доктринальный документ вообще.

Доктринальный документ – новый жанр научного произведения. С одной стороны, это не монография, не статья, не тезисы (хотя доктринальный документ, несомненно, базируется на них). С другой – это и не концепция конкретного законопроекта (хотя структурно и содержательно что-то берет и от него).

Особенности его состоят в том, что данный документ призван сочетать в себе специфическую монографичность (но обобщения в нем более высокого уровня, чем в обычной монографии) и концептуальный характер (который, в частности, предполагает концентрированную и системную форму изложения научной информации); во-вторых, он ориентирован как на науку, так и на практику (правотворческую, правоприменительную и правоинтерпретационную).

Это новый научный продукт, это специфическая кодификация накопленных научных знаний в важных сферах жизнедеятельности.

Значение доктринального документа «вытекает» из очевидного факта, что доктрина должна идти впереди правотворческих и правоприменительных структур. Роль доктрины, подчеркивал Р. Давид, «проявляется в том, что именно доктрина создает словарь и правовые понятия, которыми пользуется

законодатель»¹. И в этом смысле доктринальный документ есть некий своеобразный неофициальный правотворческий почин.

Доктринальные документы понимаются не как официальные акты, исходящие от компетентных субъектов, обладающие обязательностью и влекущие политико-правовые последствия. Доктринальные документы – это комплексные научные разработки (предложения ученых), адресованные как научной общественности, так и соответствующим органам публичной власти, субъектам юридической деятельности.

Зачастую ученые сетуют на власть, практиков, что они далеко не всегда интересуются научными достижениями.

Однако и ученые подчас не всегда дают научный продукт в целостном и системном виде – в форме, например, концепций, разработанных проектов нормативных правовых актов и т.д. Научные разработки будут выглядеть убедительнее и влиять на власть, если их давать в концентрированном и аргументированном виде.

Вместе с тем нельзя путать доктринальные документы (как новый научный продукт, подготовленный учеными) и доктринальные правовые акты (как политико-правовые акты, имеющие официальный характер, исходящие от компетентных субъектов).

Если примерами первых можно считать Концепции развития российского законодательства (в нескольких переизданиях)², проект Концепции

¹ Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988. С. 143.

² См., напр.: Концепции развития российского законодательства / под ред. Т.Я. Хабриевой и Ю.А. Тихомирова. М., 2010; Научные концепции развития российского законодательства / под ред. Т.Я. Хабриевой и Ю.А. Тихомирова. М., 2015.

правовой политики в Российской Федерации до 2020 года³, проект Концепции правотворческой политики в Российской Федерации⁴, проект Концепции правоохранительной политики в Российской Федерации⁵, проект Концепции правозащитной политики в Российской Федерации⁶ и т.д., то примерами вторых – Доктрину информационной безопасности Российской Федерации, утвержденную Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646⁷; Стратегию национальной безопасности Российской Федерации, утвержденную Указом Президента РФ; Концепцию внешней политики Российской Федерации, утвержденную Указом Президента РФ, и др.

Иными словами, доктринальные документы и доктринальные правовые акты – принципиально разные с точки зрения юридического значения и юридических последствий явления. Их объединяет общий признак – доктринальный характер⁸.

Доктринальный документ (как научный продукт) может трансформироваться в доктринальный правовой акт (в официальный акт), если, например, органы публичной власти его утвердят как особую разновидность политико-правового акта (как научный продукт).

Среди подобных доктринальных документов все больше становится востребованным проект Концепции российской правовой политики в сфере электронного правосудия.

Почему именно названный проект является столь актуальным?

Информационные технологии активно внедряются в судебную деятельность, что приводит к различным ситуациям, далеко не всегда охватываемым правовым регулированием. Между тем такое положение дел существенным образом сказывается на состоянии судебной и правовой системы в целом. Судебно-правовая жизнь общества в этой связи тоже приобретает неустойчивый и во многом неопределенный характер, влияющий тем самым на степень защищенности субъектов права, на их возможности реагировать в новых технологических условиях протекания судебно-юридического

бытия и т.д. Верно в свое время было подмечено, что «дальнейшего развития ожидает законодательное регулирование системы так называемого электронного правосудия, которое предполагает руководство процессом и судебным разбирательством, оборот судебных документов, доступ к судебной информации, судебное извещение, правовой поиск, внутренние судебные процедуры и участие в судебном заседании посредством использования современных информационных технологий и т.д.»⁹.

Правовая политика как раз и призвана предложить научно обоснованные, системные и последовательные меры по преодолению тех дефектов, которые присутствуют сейчас в процессе внедрения и использования новейших технологий (прежде всего искусственного интеллекта) в судебно-правовой деятельности.

Для того чтобы данная политика имела ориентиры, важно разработать специальный доктринальный документ в этой области – проект Концепции российской правовой политики в сфере электронного правосудия.

Он, во-первых, представляет собой систему теоретических положений, отражающих взгляды на сущность, цели, задачи, средства, направления и пути повышения эффективности правового регулирования в области электронного правосудия в долгосрочной перспективе. Во-вторых, должен включать не только стратегию, но и тактику конкретных действий по достижению целей такой политики.

Разумеется, предлагаемый проект Концепции, с одной стороны, должен учитывать запланированные мероприятия в имеющейся Концепции информационной политики судебной системы, принятой в декабре 2019 г., а также базироваться на родовом документе – проекте Концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 года, дополнять, детализировать и развивать ее общие идеи. С другой – структура рассматриваемого доктринального документа должна быть несколько иной. В нее, например, могут войти следующие элементы:

Введение, в котором необходимо дать характеристику современного состояния электронного правосудия. Нужно попытаться объективно оценить плюсы и минусы внедрения информационных технологий в судебную действительность.

⁹ Глазкова М.Е. Развитие законодательства о гражданском судопроизводстве // Научные концепции развития российского законодательства / под ред. Т.Я. Хабриевой и Ю.А. Тихомирова. М., 2015. С. 377, 378; см. также: Малько А.В., Афанасьев С.Ф., Борисова В.Ф., Кроткова Н.В. Проблемы цифровизации в сфере осуществления правосудия // Государство и право. 2020. № 10. С. 151–159.

³ См.: Проект Концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 года / под ред. А.В. Малько. М., 2008.

⁴ См.: Малько А.В., Мазуренко А.П. Концепция правотворческой политики в Российской Федерации (проект). М., 2011.

⁵ См.: Концепция правоохранительной политики в Российской Федерации (проект) / под ред. А.В. Малько. Саратов, 2012.

⁶ См.: Концепция правозащитной политики в Российской Федерации (проект) / под ред. А.В. Малько. Ульяновск, 2014.

⁷ См.: СЗ РФ. 2016. № 50, ст. 7074.

⁸ См. подр.: Малько А.В., Гайворонская Я.В. Доктринальные акты как основной инструмент правовой политики // Право. Журнал ВШЭ. 2018. № 1. С. 13.

К плюсам можно отнести то, что они, во-первых, во многом «возьмут на себя» рутинные, вспомогательные, технические, механические работы, освобождая человека для творческой деятельности, сокращая продолжительность судебного заседания, ускоряя совершение тех или иных процессуальных действий; во-вторых, позволяют «выстраивать» более рационально и эффективно организационно-процессуальные отношения между судами и внутри них, а также между судами и лицами, участвующими в деле¹⁰. Иными словами, цифровизация позволит выйти правосудию на принципиально новый уровень его доступности, оперативности и гарантированности.

Минусы тоже существуют и их немало: от возможных ошибок и сбоев (ведь подобные технологии не всегда могут учесть все факторы) до утечки персональной информации¹¹, до недостаточной «электронной подготовки» граждан, судей, аппарата судов и т.д.

С помощью применения, в т.ч. целого комплекса методов (сравнительного, статистического и др.), во введении нужно проанализировать позитивные и негативные тенденции развития внедрения информационных технологий в судебную деятельность, систематизировать и отразить все дефекты, риски, угрозы и основные проблемы использования электронного правосудия в современном обществе.

Раздел 1. «Общие начала правовой политики в сфере электронного правосудия», где изложить дефиниции понятий, используемых в названном проекте, своего рода мини-словарь (в частности, правовая политика, правовая политика в сфере электронного правосудия, информационные технологии, искусственный интеллект, робот, чат-бот и др.). Особое место в этом словаре, думается, займет такое понятие, как «инфраструктура электронного правосудия», под которым предлагаем понимать совокупность государственных информационных систем, программно-аппаратных средств и сетей связи, обеспечивающих при осуществлении правосудия электронное взаимодействие его субъектов. Говоря же об электронном взаимодействии, важно выделить его признаки, виды, различные вертикальные и горизонтальные линии социальных и управленческих связей. Необходимо исследовать всю систему электронного взаимодействия всех субъектов судопроизводства.

¹⁰ Кондюрина Ю.А. Реализация принципов арбитражного процесса в системе электронного правосудия // Вестник Омского ун-та. Сер. «Право». 2013. № 1. С. 157.

¹¹ См.: Ельчанинова Н.Б. Перспективы внедрения электронного правосудия: правовые проблемы обеспечения информационной безопасности // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 7. С. 50–53.

В этом же разделе следует обозначить уровни и субъекты формирования и осуществления российской правовой политики в сфере электронного правосудия.

Раздел 2. «Содержание правовой политики в сфере электронного правосудия», где определить цели, задачи и средства вышеназванной политики. В частности, *целями* подобной политики могут выступать: обеспечение при внедрении и использовании информационных технологий в сфере электронного правосудия прав и свобод человека, законности и правопорядка.

Указанные цели судебной политики концентрируются в ее *задачах* (в частности, в следующих: создание в Российской Федерации нормативно-правовой базы в сфере электронного правосудия; формирование единого информационно-правового поля для оборота данных; инвентаризация юридических средств и механизмов, способствующих эффективному использованию информационных технологий в сфере электронного правосудия; устранение препятствий для развития электронной среды в области правосудия и т.д.).

Если говорить о *средствах* данной правовой политики, то в первую очередь нужно выстраивать новую систему действенных правовых стимулов и правовых ограничений в сфере электронного правосудия.

Меры правового стимулирования могут создавать и обеспечивать благоприятные правовые режимы, поощрять, льготно поддерживать полезные для общества инновационные идеи, связанные с применением информационных технологий в судебной системе.

Например, несмотря на, казалось бы, очевидность того, что повсеместное внедрение информационных технологий в судебную деятельность является выгодным для всех участников, стимулировать их использование в сфере правосудия необходимо с обеих сторон — как непосредственно судей и иных работников судов, так и граждан, которым предоставлена возможность выбирать способ урегулирования споров.

Что касается первых, то важно предусмотреть меры поощрения для тех, кто успешно прошел обучение новым технологиям, применяет их в своей работе, способствует повсеместному их распространению и использованию. Для этого следует внести соответствующие коррективы в нормативные правовые акты, начиная с федерального законодательства. Так, в базовом для данной сферы Законе РФ «О статусе судей в Российской Федерации» закрепляется возможность установления ежемесячной доплаты за знание иностранных языков и их использование при исполнении должностных

обязанностей (ст. 19), что, несомненно, следует оценить положительно. Однако, на наш взгляд, в условиях стремительно информатизирующегося общества аналогичное положение, касающееся возможности применения мер поощрения, следовало установить за такое общее основание, как внедрение и использование информационных технологий при исполнении должностных обязанностей, которое далее должно конкретизироваться в подзаконных правовых актах.

Вышеназванный Закон определяет, что в пределах установленного фонда оплаты труда судьям могут выплачиваться премии, оказываться материальная помощь, порядок которых устанавливается актами Верховного Суда РФ для судей данного суда и актами Судебного департамента при Верховном Суде РФ по согласованию с Советом судей РФ для судей судов общей и специальной юрисдикций.

Граждан как лиц, участвующих в судебном процессе, также необходимо стимулировать к использованию информационных новшеств в обозначенной области. В частности, приведем пример применения мер поощрения для граждан в виде возможности получения 30% скидки при электронной подаче заявления и безналичной оплате госпошлины через портал «Госуслуги», представленной с 1 января 2017 г., ставших весомым аргументом в пользу обращения определенной части населения к информационным технологиям. При подключении судов к Единому portalу государственных услуг, благодаря которому граждане смогут оперативно обращаться с исковыми заявлениями с одновременной уплатой госпошлины, возможно, следует предусмотреть аналогичный материальный стимул к предпочтению данного варианта действий традиционной модели, который будет взаимовыгоден для обеих сторон¹².

Безусловно, наряду со стимулирующими юридическими средствами нельзя забывать и об ограничивающих юридических инструментах (обязанностях, запретах, приостановлениях, ответственности и т.п.). Причем они должны быть задействованы в комплексе с нравственными требованиями. Постепенно приходит осознание необходимости принятия ограничительных норм права, устанавливающих юридические рамки защиты персональных данных, уважение человеческого достоинства, самостоятельности и самоопределения индивида, ответственности за причинение вреда (имущественного и неимущественного) при внедрении новых технологий. Меры правового ограничения будут полезными в области охраны

и защиты прав граждан и юридических лиц от вредоносного воздействия цифрового суда.

Раздел 3. «Основные направления правовой политики в сфере электронного правосудия», который будет содержать, по сути, формы реализации подобной политики: правотворческую и правоприменительную.

Правотворческая. Разрабатывая доктрину правового регулирования электронного правосудия в Российской Федерации, важно детально обобщить имеющийся опыт в этой сфере зарубежных государств. Учитывая его, необходимо в данной Концепции предложить требуемые временем «правила игры», способные эффективно организовать обозначенную сферу жизнедеятельности. В частности, нужно принимать регламенты использования новых технологий, соответствующих международным стандартам. Следует также иметь в виду все возрастающую роль технико-юридических норм, обеспечивающих электронное правосудие.

Правоприменительная. Вполне возможно в рамках правоприменения электронному правосудию «доверят» принятие простейших судебных решений¹³. Так, в Европейском Суде по правам человека 80% решений пишется автоматически, без участия судей¹⁴. Несомненно, время требует автоматизации и некоторых технических функций, присущих тем или иным юридическим профессиям (например, помощника судьи, секретаря судебного заседания и других).

Таким образом, проект Концепции российской правовой политики в области электронного правосудия сможет выступить доктринальным документом, способным оказать «научное содействие» правотворческим и правоприменительным структурам.

В силу того, что предлагаемый проект Концепции – междисциплинарный документ, разработчиками его могут выступать не только ученые-юристы, но и представители технических наук. Вместе с учеными поработать над вышеназванным проектом вполне могут и судьи, и депутаты, и юристы-практики, и IT-специалисты. Только совместными усилиями можно решить обозначенную проблему.

Параллельно с данным документом нужно готовить и Словарь-справочник «Российская правовая политика в сфере электронного правосудия». Считаем, что проект Концепции российской правовой политики в сфере электронного правосудия и вышеназванный Словарь-справочник – взаимосвязанные

¹² См. подр.: Малько А.В., Горбунова М.Ю. Поощрение использования информационных технологий в процессе отправления правосудия // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 3. С. 152, 153.

¹³ См.: Куликов В. Бот в помощь. Глава Минюста заявил, что роботы смогут давать юридические консультации // Росс. газ. 2019. 4 июня.

¹⁴ См.: Ясакова Е. Онлайн-консульт. Юристы осваивают новые технологии // Росс. газ. 2019. 30 нояб.

продукты, влияющие друг на друга. С одной стороны, наработки Словаря «помогут» в изложении такого раздела проекта Концепции, как «Общие начала российской правовой политики в сфере электронного правосудия», где будет представлен перечень понятий, используемых в данном проекте. С другой стороны, Словарь важно «не отрывать» от разрабатываемого проекта Концепции, а наоборот, попытаться превратить его в доктринальный документ, дать в нем не столько имеющийся законодательный, сколько научный уровень проблем, связанных с использованием электронного правосудия.

После того, как будут отдельно опубликованы «Проект Концепции российской правовой политики в сфере электронного правосудия» и вышеназванный Словарь-справочник, можно будет эти два продукта объединить и издать единой книгой, назвав ее: «Российская правовая политика в сфере электронного правосудия: словарь и проект Концепции».

Кроме того, при создании указанной выше Концепции и выработке ее внутренней структуры целесообразно было бы принять во внимание международный и зарубежный опыт в данной сфере правовых отношений. Прежде всего обратимся к государствам, входящим в Евразийский экономический союз, который является правопреемником Евразийского экономического сообщества. Известно, что государства – члены ЕАЭС формируют свое цифровое электронное правосудие.

В целях успешного формирования Концепции российской правовой политики в сфере электронного правосудия допустимо принять во внимание интересный опыт, полученный по итогам претворения в жизнь рамочной программы сотрудничества Совета Европы и проекта Европейского Союза «Восточное партнерство», которая предполагала подготовку специального доклада рабочей группы по вопросам электронного правосудия. В резюме данного доклада отмечается, что государства, участвующие в вышеуказанном партнерстве (Армения, Азербайджан, Беларусь, Грузия, Молдова), в целом «создали технологическую инфраструктуру, которая является фундаментальным ресурсом для дальнейшего развития информационно-коммуникационных технологий. Обеспечили эффективную работу и обновление этой инфраструктуры. Страны-участницы внедрили системы автоматизации судебного делопроизводства. Однако в этих странах действует система двойной регистрации, при которой используются традиционные бумажные реестры наряду с новыми автоматизированными системами управления документооборотом, что приводит к дублированию действий и потере эффективности. Таким образом, приоритет для органов правосудия заключается в принятии оперативных мер для прекращения использования

бумажных реестров всеми судами и полного перехода на системы автоматизации судебного делопроизводства»¹⁵. Отметим, что т.н. электронное и бумажное дублирование имеет место и в деятельности российских судов, хотя о необходимости решения этой проблемы говорилось уже достаточно давно¹⁶.

Очевидно, что авторы доклада проводили сравнительный анализ того, каким образом концептуально устроено электронное правосудие в государствах Западной Европы и в государствах «Восточного партнерства», ориентируя последние на введение новейшего цифрового инструментария по таким базовым направлениям, как системы автоматизации судебного делопроизводства; электронный рабочий стол юриста; технологии для залов судебных заседаний; электронная подача документов и интегрированная цепочка правосудия; стратегия, управление и отслеживание движения судебных дел и др. В частности, в докладе в качестве сопоставительного примера приводится эффективное действие финской цифровой платформы *Sakari*, которая позволяет не только осуществлять в рамках электронной процедуры администрирование, редактирование и мониторинг материалов, рассматриваемых органами правосудия, но и в *онлайн режиме* обмениваться этими материалами с органами прокуратуры и полиции.

Аналогичные проекты реализованы в Австрии, ФРГ и в еще ряде государств, образующих Европейский Союз, причем это сопровождалось как разработкой цифровых «ноу-хау», так и принятием надлежащих нормативных актов, санкционирующих широкое применение таковых¹⁷. Так, в ФРГ в начале 2000-х годов были приняты и введены в действие федеральные законы «Об электронных подписях», «О реформировании порядка доставки документов», «Об адаптации установленной процессуальной формы», «Об использовании электронных форм коммуникации в судопроизводстве» и др., что позволило механизм технологических и правовых новшеств запустить практически синхронно¹⁸.

Ради справедливости следует заметить, что далеко не все проекты, связанные с электронным правосудием, с прикладной точки зрения завершаются благополучно, о чем свидетельствуют эксперименты,

¹⁵ Доклад экспертов по результатам заседания рабочей группы по вопросу: электронное правосудие. Тбилиси, 2017. С. 9, 10.

¹⁶ См.: Клепикова М.А. Некоторые вопросы допустимости и достоверности доказательств, представленных в арбитражный суд в электронном виде // Электронный журнал. 2012. № 4. С. 52.

¹⁷ См.: Попова Е.С. Проблемы и перспективы развития электронного правосудия // Актуальные вопросы юридических наук / под ред. И.Г. Ахмедова. Краснодар, 2019. С. 12–14.

¹⁸ См.: Брановицкий К.Л. Информационные технологии в гражданском процессе Германии (сравнительно-правовой анализ). М., 2010. С. 5, 6.

проводимые в некоторых государствах¹⁹. К примеру, в 2011 г. Министерство юстиции Соединенного Королевства было вынуждено признать, что попытка внедрить полноценную электронную систему подачи документов “*Electronic Filing and Document Management*”, к сожалению, оказалась безуспешной. Чиновники министерства подчеркнули, что затраты в размере 65 млн фунтов стерлингов не привели к желаемым результатам по причине «недостаточного удобства использования системы, низкого уровня технологий и нечетких условий контрактов между министерством и поставщиками программного обеспечения»²⁰. Как следствие, пользователи крайне редко прибегали к электронному способу подачи документации (таких случаев было зарегистрировано лишь 0.4% от ожидаемых), предпочитая лично обращаться в правоохранительные органы²¹. Несколько позднее для дел упрощенного производства была разработана действенная система “*E-Working*”.

Отсюда можно констатировать, что в демократически и экономически развитых государствах идет повсеместное концептуальное осмысление такого явления, как «электронное правосудие», и, как следствие, постепенное замещение традиционных систем документооборота электронными, доступ к суду становится дистанционным и облегченным, возникают новые цифровые, процессуальные формы взаимоотношения суда с иными участниками производства по гражданскому, уголовному или административному делу. В Российской Федерации наблюдаются аналогичные общие тренды.

Вместе с тем в докладе Европейской экономической комиссии по вопросам доступа к суду, который был опубликован в 2019 г., указывается, что наряду с положительными аспектами электронного правосудия на практике отдельные новаторские инициативы могут создавать дополнительную нагрузку для населения в виде возможных ошибок, приводящих к нежелательным результатам, или трудности в случае отсутствия у заявителей навыков работы с цифровыми документами, необходимыми для навигации по системам. В этой связи Комиссия призвала «с учетом стремительного развития событий продолжить обмен опытом и провести исследования в этой области»²².

¹⁹ См.: Романенкова С. В. Понятие электронного правосудия, его генезис и внедрение в правоприменительную практику зарубежных стран // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 4. С. 26–31.

²⁰ Доклад экспертов по результатам заседания рабочей группы по вопросу: электронное правосудие. С. 21.

²¹ См.: там же.

²² Европейская экономическая комиссия. Доклад о работе двенадцатого совещания Целевой группы по доступу к правосудию. Женева, 2019. С. 20.

* * *

Таким образом, принимая во внимание в совокупности все изложенное выше, следует заметить, что представители российской доктрины, законодатели и занимающиеся прикладной юридической деятельностью имеют уникальный шанс учесть накопленный положительный, а равно отрицательный национальный, международный и зарубежный опыт при создании проекта Концепции российской правовой политики в сфере электронного правосудия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брановицкий К. Л. Информационные технологии в гражданском процессе Германии (сравнительно-правовой анализ). М., 2010. С. 5, 6.
2. Глазкова М. Е. Развитие законодательства о гражданском судопроизводстве // Научные концепции развития российского законодательства / под ред. Т. Я. Хабриевой и Ю. А. Тихомирова. М., 2015. С. 377, 378.
3. Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988. С. 143.
4. Доклад экспертов по результатам заседания рабочей группы по вопросу: электронное правосудие. Тбилиси, 2017. С. 9, 10, 21.
5. Европейская экономическая комиссия. Доклад о работе двенадцатого совещания Целевой группы по доступу к правосудию. Женева, 2019. С. 20.
6. Ельчанинова Н. Б. Перспективы внедрения электронного правосудия: правовые проблемы обеспечения информационной безопасности // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 7. С. 50–53.
7. Клепикова М. А. Некоторые вопросы допустимости и достоверности доказательств, представленных в арбитражный суд в электронном виде // Электронный журнал. 2012. № 4. С. 52.
8. Кондюрина Ю. А. Реализация принципов арбитражного процесса в системе электронного правосудия // Вестник Омского ун-та. Сер. «Право». 2013. № 1. С. 157.
9. Концепция правозащитной политики в Российской Федерации (проект) / под ред. А. В. Малько. Ульяновск, 2014.
10. Концепция правоохранительной политики в Российской Федерации (проект) / под ред. А. В. Малько. Саратов, 2012.
11. Концепции развития российского законодательства / под ред. Т. Я. Хабриевой и Ю. А. Тихомирова. М., 2010.

12. Куликов В. Бот в помощь. Глава Минюста заявил, что роботы смогут давать юридические консультации // Росс. газ. 2019. 4 июня.
13. Малько А. В., Афанасьев С. Ф., Борисова В. Ф., Кроткова Н. В. Проблемы цифровизации в сфере осуществления правосудия // Государство и право. 2020. № 10. С. 151–159.
14. Малько А. В., Гайворонская Я. В. Доктринальные акты как основной инструмент правовой политики // Право. Журнал ВШЭ. 2018. № 1. С. 13.
15. Малько А. В., Горбунова М. Ю. Поощрение использования информационных технологий в процессе отправления правосудия // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 3. С. 152, 153.
16. Малько А. В., Мазуренко А. П. Концепция правотворческой политики в Российской Федерации (проект). М., 2011.
17. Научные концепции развития российского законодательства / под ред. Т. Я. Хабриевой и Ю. А. Тихомирова. М., 2015.
18. Попова Е. С. Проблемы и перспективы развития электронного правосудия // Актуальные вопросы юридических наук / под ред. И. Г. Ахмедова. Краснодар, 2019. С. 12–14.
19. Проект Концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 года / под ред. А. В. Малько. М., 2008.
20. Романенкова С. В. Понятие электронного правосудия, его генезис и внедрение в правоприменительную практику зарубежных стран // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 4. С. 26–31.
21. Ясакова Е. Онлайн-консульт. Юристы осваивают новые технологии // Росс. газ. 2019. 30 нояб.
- information security // Society: politics, Economics, law. 2017. No. 7. P. 50–53 (in Russ.).
7. Klepikova M. A. Some issues of admissibility and reliability of evidence submitted to the arbitration court in electronic form // Electronic journal. 2012. No. 4. P. 52 (in Russ.).
8. Kondyurina Yu. A. the implementation of the principles of the arbitration process in the system of e-justice // Herald of the Omsk University. Ser. "Law". 2013. No. 1. P. 157 (in Russ.).
9. The Concept of human rights policy in the Russian Federation (project) / ed. by A. V. Mal'ko. Ulyanovsk, 2014 (in Russ.).
10. The Concept of law enforcement policy in the Russian Federation (project) / ed. by A. V. Mal'ko. Saratov, 2012 (in Russ.).
11. Concepts of development of Russian legislation / ed. by T. Ya. Khabrieva and Yu. A. Tikhomirov. M., 2010 (in Russ.).
12. Kulikov V. Bot to help. The head of the Ministry of justice said that robots will be able to give legal advice // Russ. newspaper. 2019. June 4 (in Russ.).
13. Mal'ko A. V., Afanasyev S. F., Borisova V. F., Krotkova N. V. Problems of digitalization in the sphere of justice implementation // State and Law. 2020. No. 10. P. 151–159 (in Russ.).
14. Mal'ko A. V., Gayvoronskaya Ya. V. Doctrinal acts as the main tool of legal policy // Law. HSE journal. 2018. No. 1. P. 13 (in Russ.).
15. Mal'ko A. V., Gorbunova M. Yu. Encouraging the use of information technologies in the administration of justice // Legal policy and legal life. 2019. No. 3. P. 152, 153 (in Russ.).
16. Mal'ko A. V., Mazurenko A. P. The Concept of law-making policy in the Russian Federation (draft). M., 2011 (in Russ.).
17. The scientific concept of development of Russian legislation / ed. by T. Ya. Khabrieva, and Yu. A. Tikhomirov. M., 2015 (in Russ.).
18. Popova E. S. The problems and prospects of development of e-justice // Topical issues of legal Sciences / ed. by I. G. Akhmedov. Krasnodar, 2019. P. 12–14 (in Russ.).
19. The draft Concept of legal policy in the Russian Federation till 2020 / ed. by A. V. Mal'ko. M., 2008 (in Russ.).
20. Romanenkova S. V. The Concept of e-justice, its Genesis and implementation in law enforcement practice of foreign countries // Arbitration and civil process. 2013. No. 4. P. 26–31 (in Russ.).
21. Yasakova E. Online-Konsult. Lawyers learn new technologies // Russ. newspaper. 2019. 30 Nov. (in Russ.).

REFERENCES

1. Branovitsky K. L. Information technologies in the civil process of Germany (comparative legal analysis). M., 2010. P. 5, 6 (in Russ.).
2. Glazkova M. E. Development of legislation on civil proceedings // Scientific concepts of the development of Russian legislation / ed. by T. Ya. Khabrieva and Yu. A. Tikhomirov. M., 2015. P. 377, 378 (in Russ.).
3. David R. Basic legal systems of modernity. M., 1988. P. 143 (in Russ.).
4. Report of experts on the results of the meeting of the working group on the issue: electronic justice. Tbilisi, 2017. P. 9, 10, 21 (in Russ.).
5. Economic Commission for Europe. Report of the twelfth meeting of the Task force on access to justice. Geneva, 2019. P. 20 (in Russ.).
6. Elchaninova N. B. Prospects for the introduction of electronic justice: legal problems of ensuring

Сведения об авторах**МАЛЬКО Александр Васильевич —**

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции; 410003 г. Саратов, ул. им. Радищева А.Н., д. 55

АФАНАСЬЕВ Сергей Федорович —

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии; 410056 г. Саратов, ул. Вольская, д. 1; заведующий сектором правовой политики Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук; 410028 г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 135

Authors' information**MAL'KO Alexander V. —**

Doctor of Law, Professor, honored worker of science of the Russian Federation, Professor of the Department of state and legal disciplines of the Volga region Institute (branch) All-Russian state University of justice; 55 named of Radishchev A.N. str., 410003 Saratov region, Saratov, Russia

AFANASYEV Sergey F. —

Doctor of Law, Professor, Head of the arbitration Department of the Saratov state law Academy; 1 Volskaya str., 410056 Saratov, Russia; Head of the legal policy sector of the Saratov branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 135 Chernyshevskogo str., 410028 Saratov, Russia